

С.В. Пирожкова

Форсайт («Foresight») как форма социального проектирования*

Пирожкова Софья Владиславовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: pirozhkovasv@gmail.com

В статье представлены результаты исследования отношения форсайта («Foresight») – востребованной сегодня прогностической практики – к таким традиционным видам деятельности, как прогнозирование и проектирование, а также возможности определять форсайт через понятие не социальной технологии (как это зачастую делается в российской литературе), а социального проектирования. Работа составляет этап более развернутого исследования форсайта, предполагающего, во-первых, анализ существующих подходов к его концептуализации, во-вторых, анализ форсайт-практики в ее развитии и, в-третьих, выработку объемного представления об этом феномене, такого, которое делает возможным использование философского – теоретико-познавательного, методологического, социально-философского и др. – анализа. Автор статьи указывает на проблематичность текущего соотношения фундаментального социального знания (социальной теории) и прикладного социального знания и социальной практики и значение форсайта как частного случая этого положения. В качестве рабочего определения форсайта выбрано и обосновано понятие «работы с социальным будущим», прослежено развитие форсайт-практики от преимущественно прогностных форм к проектным, выявлены причины такой эволюции и в целом смещения акцента с социального прогнозирования на социальное проектирование. Осуществлен анализ понятия и практики, известной под названием «социальное проектирование», эксплицировано практически отсутствующее в отечественной исследовательской литературе различие

---

* Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для молодых российских ученых – кандидатов наук (проект № МК-6317.2018.6 «Возможности форсайта как инструмента социального проектирования в современной России: эпистемологический и теоретико-деятельностный анализ»).

социального проектирования, как, с одной стороны, деятельностного (англ. «design»), а с другой – социально-коммуникационного и организационно-управленческого феномена (англ. «project»). С помощью данного различения выделены собственно проектировочные и социально-инженерные функции форсайта. Кратко охарактеризована проблема научного статуса форсайта, указано на гетерогенное эпистемическое содержание форсайта, обозначены основные особенности попыток построения теории форсайта. В заключение намечены дальнейшие направления изучения форсайта в рамках теоретико-познавательного анализа и философии науки.

Ключевые слова: форсайт, социальное проектирование, прогнозирование, прогностическая деятельность, прикладная наука, социальные технологии, социальный дизайн, социальный проект, проблема демаркации

Социальные науки, социальная практика, социальные технологии

С наступлением нового столетия социальные и гуманитарные науки оказались перед лицом новой программы своего реформирования. Несмотря на усилия, потраченные теоретиками на обоснование инаковости и автономности социального и тем более гуманитарного знания, программа эта пришла в социогуманитарную область из естественнонаучной. Речь идет об идеале полезной науки, когда польза понимается как увеличение материально-технических, технологических и в целом преобразовательных возможностей человека. Однако обозначенная программа развития набирает популярность в связи не столько с желанием социальных и гуманитарных наук соответствовать дисциплинам, в значительной степени удерживающим за собой статус эталонных, сколько с попыткой сохранить активную позицию в отношении социальной практики – не только описывать ее и объяснять, но и нормировать. В последние годы эта интенция нашла отражение во все возрастающем внимании к социальным и гуманитарным технологиям [Касавин (ред.), 2012], и в более широких постановках проблемы – в вопросе об отношении социальной теории (и науки в целом) и социальной практики [Касавин, 2012; Watts, 2017]. В подобных изысканиях слышится призыв, с одной стороны, рационализировать относительно стихийно складывающуюся практику, с другой – выводить социальное знание за пределы множественных объяснительных теорий, каждая из которых может быть принята как руководство к действию в силу, по сути, случайных факторов [ibid., p. 3].

Разрыв между теорией и практикой и, как следствие, между фундаментальной (или академической) социальной наукой и прикладным, практико-ориентированным (или постакадемическим) социальным – вещь относительная. Размышляя на эту тему, Д. Уоттс, замечательный пример одновременно как ученого-междисциплинарщика, так и социолога, чьи работы представляют равно и фундаментальный, и прикладной интерес, справедливо указывает, что многие «академические» социальные ученые успешно работают консультантами, выступают в качестве экспертов и иным образом вовлечены в производство прикладного социального знания. Тем не менее представление о научно-техническом прогрессе и особом, научном, способе создания новых технологий предполагает иную включенность социальной науки в социальную практику –

не случайное, не опосредованное, а планомерное и непосредственное. Отсюда и идея научных социальных технологий (СТ) как научно обоснованных способов созидания (производства и воспроизводства) социальной реальности.

Однако научный статус многих практик, определяемых в качестве социальных технологий, не просто остается проблематичным, но наводит на мысль о невозможности мыслить их в рамках представлений о «прикладной социальной науке» или аналоге технических наук в социальной сфере. Сказанное в полной мере относится к такому явлению, как форсайт. В отечественной исследовательской литературе форсайт часто называется социальной технологией (как теоретиками – см., например, [Розин, 2014], так и практиками – см., например, [Rapid Foresight, 2017]) или совокупностью технологий, по крайней мере, часть которых относится к СТ [Асеева, 2014]. В то же время и отечественные, и зарубежные работы, как правило, предоставляют читателю длинный перечень «характеристик», «специфических черт», «отличий от» и т. д., но при этом остается непонятным, что есть форсайт как таковой. Хотя дефиниции и даются (в том числе сведение к родовому понятию СТ), они, во-первых, различны, а во-вторых, носят такой же дескриптивный характер. Ранее я уже обращала внимание на это положение и отмечала в качестве его причины то, что термин «форсайт» («Foresight») именуется становящийся феномен [Пирожкова, 2017]. Тем не менее и в этой ситуации можно и нужно ставить ряд принципиальных вопросов, ответы на которые позволят избежать впечатления, часто возникающего у внешнего наблюдателя при знакомстве с форсайт-проектами. Это впечатление недоумения и недоверия к тому, что не удастся уложить в привычные различия – исследование или творческое созидание нового, аналитика или фантазирование, серьезная работа или развлечение и игра. В условиях не естественного, эволюционного развития практики форсайта, а заимствования уже существующих (хотя продолжающих совершенствоваться) форм и методов, как это происходит в России, возникает острая необходимость сформировать не просто целостное представление о нем, но представление, обладающее «глубиной», т. е. такое, которое позволяет видеть фон и перспективу, а в них различать те элементы, которые близки или родственны национальным традициям и наработкам. Первый шаг на пути решения поставленной задачи предполагается сделать в данной статье.

От социального прогнозирования к социальному проектированию

Адекватным рабочим определением форсайта будет следующее: *специфический способ работы с социальным будущим*. Что означает «работать с будущим»? Это понятие объединяет различные деятельностные позиции – дескриптивную, проективную, оценочную, эмпатическую, созидательную. Будущее социальных объектов прогнозируется и проектируется, спрогнозированные/спроктированные варианты становятся объектами рефлексии, а также погружения и вживания, наконец, можно предлагать программы и планы реализации того, что: 1) возможно (результат прогнозирования); 2) реализуемо (результат проектирования и прогнозирования); приемлемо с точки зрения 3) разделяемых акторами норм и ценностей (результат рефлексивной, а также

отчасти художественной деятельности) и 4) общих для акторов императивов жизненного мира и психологических установок (результат прежде всего художественного осмысления, эмпатического погружения в различные миры будущего).

В целом форсайт – практика, наиболее близкая к широкому понятию «работы с будущим». Многообразие форсайт-проектов объединяет традиционные формы такой работы – прогнозную, проектную, планово-программную, рефлексивную. Кроме того, форсайт включает элементы непосредственной социально-преобразовательной практики. Поэтому говоря о форсайте как о специфическом способе работы с социальным будущим, мы должны прежде всего указать на его комплексность, тесное переплетение исследовательских, планово-программных, рефлексивных и социально-коммуникативных составляющих, использование различных инструментов – формальных и эвристических, аналитических и креативного конструирования, индивидуальных и коллективных, включая опосредованное, сетевое, диалоговое взаимодействие.

Вместе с тем многокомпонентность форсайта приводит к тому, что конкретный форсайт-проект может отличаться преваляцией той или иной составляющей – того или иного типа деятельностного отношения к будущему. Форсайты могут иметь прогнозную форму – быть ориентированными преимущественно на обнаружение имеющихся тенденций, предпосылок будущих изменений, точек роста или угроз. Это характерно, например, для японских технологических форсайтов [EFMN, web; UNIDO, 2005]. Одновременно пример японских форсайтов показателен в том смысле, что прогнозная составляющая от проекта к проекту все более подчинялась другим компонентам, что нужно отнести к еще одной специфической черте форсайта.

Данная тенденция объясняется сменой парадигмы в области социальных исследований – уходом от представления о возможности открыть объективный механизм исторического и социального развития, зная который можно двигаться в правильном направлении быстрее и легче, чем это было бы в отсутствии соответствующего знания. Однако этот переход, закрепленный, в частности, К. Поппером в оппозиции историцизма и идеи открытого общества (общества с непредзаданным будущим), имел не чисто теоретические основания. Эволюция японских форсайтов показывает, что сама практика социального прогнозирования привела к изменению базовых постулатов в области предвосхищения социального будущего.

Естественнонаучное прогнозирование, как правило, занимается объектами, влияние человека на будущее которых ограничено. Отсюда – кажущаяся самодостаточность прогнозирования: прогнозист получил картину будущего состояния объекта, передал ее заинтересованным лицам, а то, что эти лица предпринимают, уже никак к прогнозированию не относится. Однако если присмотреться внимательнее, то в ряде случаев такая изолированность прогнозного исследования – заблуждение. Например, при прогнозах климатических изменений человеческая деятельность оказывается в числе характеристик, определяющих динамику прогнозируемого объекта. Тогда прогнозное исследование, цель которого – адекватное описание будущего, должно выглядеть так:

$$F_1 \rightarrow P_1 \rightarrow F_2 \rightarrow P_2 \dots \rightarrow F_n,$$

где F_1 – изначальный прогноз, P_1 – разработанный на его основании план действий, F_2 – прогноз с учетом P_1 , на основании которого первоначальное решение может быть уточнено, превратившись в P_2 , что требует очередного уточнения прогноза.

Если принимать во внимание, что в отличие от фундаментальных научных исследований и получения знаний универсального характера прогнозные дескрипции представляют интерес по большей части не сами по себе, а в качестве основания для нашей деятельности, то приведенная выше цепочка должна иметь вид:

$$F_1 \rightarrow P_1 \rightarrow F_2 \rightarrow P_2 \dots \rightarrow F_n \rightarrow P_n,$$

где F_n – итоговый прогноз, а P_n – итоговый план/программа действий.

Для социального прогнозирования зависимость между прогнозом и принимаемыми на его основании решениями исследуется в рамках проблемы рефлексивности социального предвидения. Однако, с точки зрения социального актора, больший интерес представляет не корректировка прогнозов, а то, что делает ее необходимой. При составлении планов действий мы должны исходить из надежных прогнозов, но прогноз как выявляющий тенденции и влияющие на динамику факторы [Пирожкова, 2018] обычно допускает не один, а несколько различных планов. Поэтому итоговый прогноз, а значит, и будущее определяются человеческими решениями. С точки зрения теоретика форсайта Б. Мартина, эта идея – множественности путей развития (и, значит, множественности возможных будущих состояний), которая сообщает человеческому действию, меняющему условия и управляющему факторами, особое значение в процессе порождения будущего, – одна из ключевых для форсайт-деятельности. «Существует много возможных будущих, – пишет Мартин. – И какое из этих будущих будет достигнуто, зависит отчасти от тех решений, которые мы сейчас принимаем. Таким образом, форсайт приводит к осознанной “активистской” установке в отношении будущего, признанию того, что сделанный сегодня выбор способен сформировать или даже создать будущее» [Martin, 1995, p. 140].

Понимание, что истинным тот или иной прогнозный сценарий делает его планомерная реализация, ведет к трансформации социального прогнозирования в социальное проектирование. Другими словами, признается – как в теории, так и на практике, – что социальное будущее должно прежде всего строиться, а исследовательская деятельность выполняет вспомогательную функцию выявления и анализа имеющихся ресурсов и инструментов, включая описание не только их текущего состояния, но и возможных эффектов того или иного их применения. Этот переход от прогнозирования к проектированию находит особенно наглядное отражение в методе построения так называемых дорожных карт и в самих дорожных картах как результатах форсайт-деятельности. Но и иные результаты форсайта, в том числе прогнозные по своему характеру, включаются в проектную деятельность, объект которой – перспективные состояния социальной мегасистемы и ее подсистем.

Понятие социального проектирования. Форсайт как дизайн будущего и как социальный проект

Определение форсайта через понятие социального проектирования может восприниматься как определение неизвестного через неизвестное, поскольку, как показывает анализ отечественной литературы (прежде всего учебников и пособий по социальному проектированию, которые заинтересованный читатель легко найдет и без соответствующих ссылок, повышающих их цитируемость), в случае социального проектирования мы имеем термин широко употребляемый, но не вполне проясненный. Чтобы разобраться, что же проектируется в рамках социального проектирования, чем оно отличается от конструирования и что такое «социальный проект», обратимся сперва к родовому понятию «проект» и его значениям.

Во-первых, проект – это образ будущего – целевого состояния – и путей его реализации, выраженный в знаковой форме (текст, видео(аудио)инсталляция, макет, объект виртуальной реальности). Иногда о проекте говорят и в случае, когда образ еще не получил объективации и существует только как предмет сознания – индивидуального или коллективного.

Во-вторых, проект – это система действий по созданию образа будущего (этап замысла), иногда также его проработки (этап разработки) и создания плана/программы его реализации.

В-третьих, проект – это система действий по выполнению этого плана, осуществлению программы.

В-четвертых, проектами называют и итог проектной деятельности. В этом смысле многоэтажное здание, в котором находится ваша квартира, – это тоже проект. Но будучи реализованным и включенным в ряд других, принадлежащих настоящему объектов, проект по существу перестает быть проектом, и, говоря о нем с использованием данного понятия, люди лишь указывают на факт его создания или специфическую ситуацию его создания – кто, как и с какими намерениями воздвиг это многоэтажное здание.

Отметим прежде всего, что у понятия «проект» имеется и субстанциональное, и процессуальное значение, когда проектом именуется само мероприятие проектировочного характера. Далее сама проектная деятельность может пониматься и узко, и широко, совпадая с процессом создания некоторой вещи. Вместе с тем, как указывает В.М. Розин, исторически понятие «проект» возникло именно как обозначающее объективированный детальный образ некоторого объекта, который должен быть создан в будущем. Разработка проекта – чертежа, рисунка, схемы и т. д. – изначально составляла часть процесса изготовления, но в ходе продолжавшегося разделения труда проектирование обособилось, отделившись от изготовления [Розин, 1998]. Это означает, что этап тщательной проработки замысла не относится собственно к проектированию. Согласно выводам советских методологов (как известно, исследования в области теории и практики инженерной и конструкторской деятельности шли в СССР на высоком уровне, результатом чему стали незаурядные конструкторские и инженерные достижения), проектирование следует понимать «как особую, ведущую стадию в проектно-конструкторской деятельности»

[Соломенцев, Шеменев, 1981, с. 71]. Она характеризуется такими процедурами, как выдвижение идеи новой вещи, ее основных черт и характеристик, тогда как конструктивная проработка и детализация относятся к процессу конструирования [там же, с. 71–72].

Так же как переход от наглядно-действенного мышления к образному, а затем понятийному, переход от опытного, кустарного изготовления к инженерии, опирающейся на выделение проектной составляющей, позволяет перевести в виртуальный план значительное количество «проб», а значит, сделать виртуальными значительное количество «ошибок». Проектная деятельность и конструкторско-инженерная практика, включающая проектную стадию, отличаются от простого создания какой-то вещи сознательной работой над ее замыслом, проработкой узловых моментов этого замысла, позволяющей на последующих этапах работы развернуть деятельность по доработке и производству вещи.

Поскольку проектирование предполагает выработку образа, а затем и прототипа какого-то несуществующего объекта или будущего состояния, которое не повторяет уже имеющиеся, оно связано с инновационной деятельностью. Проектная деятельность – это работа с возможным будущим, как включающим удовлетворение некоторой нашей потребности, реализацию некоторой возникшей у нас идеи, поставленной цели или системы задач. Эта работа предполагает представление желаемого фрагмента будущего (будущего объекта) здесь и сейчас, его спецификацию, возникающую в ходе решения вопросов, каким должен быть объект, чтобы отвечать поставленным целям, какие из имеющихся ресурсов позволят его создать, как именно должен происходить процесс создания. Можно сказать и так: проектирование это изготовление некоторого объекта в мысли (мышление, оговорюсь, может быть не только понятийным, но и образным) и языке, а также с помощью иных знаковых средств, которое предшествует процессу реального изготовления как облачения мысли в материю. В этом смысле проект – модель, или прототип, будущей вещи, а в качестве таковых он имплицитно содержит план действий – что нужно сделать, чтобы модель стала реальной вещью.

Проект, как он представлен во втором и третьем значениях, – уже не столько деятельностный, сколько социально-коммуникационный и организационно-управленческий феномен. В англоязычной литературе эти две формы разведены лингвистически. Когда говорят об образе будущего объекта и разработке этого образа, используют понятие «design», когда речь идет об ограниченной во времени системе действий (мероприятий), нацеленной на создание каких-то новых объектов, свойств, ситуаций, то говорят о «project». В «Руководстве к своду знаний по управлению проектами», издаваемом и регулярно обновляемом международной профессиональной организацией – Институтом управления проектами, проект определяется следующим образом: «...временное предприятие (endeavor), осуществляемое с целью создать уникальный продукт, услугу или результат» [A Guide to the Project Management, 2013, p. 1]. То, как эксплицируют смысл понятия «design» ответственные редакторы книжной серии «Проектное мышление, теория проектирования» («Design Thinking, Design Theory») К. Фридман и Э. Столтерман, показывает, что оно в отличие от «project» обозначает

определенный вид деятельности. Этот вид деятельности делает человека человеком в смысле Х. Ортеги-и-Гассета или Ж.-П. Сартра – тем, кто созидает орудия, обстоятельства и, в конечном счете, самого себя. Как пишет нобелевский лауреат Г. Саймон, «каждый, кто вырабатывает последовательность действий, нацеленных на изменение существующих ситуаций в желательные, занимается проектированием (designs)» [Simon, 1996, p. 111].

В отечественной научной традиции понятие социального проектирования и социального проекта объединяет оба значения – и «project», и «design» (см., например, обобщение этой традиции в [Луков, 2007, с. 35–36]), в то время как в англоязычной принято говорить о социальном дизайне (social design) или социальной инженерии (с развитием системного подхода – об инженерии социальных систем [Garcia-Diaz, Olaya (eds.), 2018]). При этом надо отметить, что отечественная концепция проектного мышления и развиваемая зарубежными специалистами в области социальных наук концепция инженерного мышления (а также инженерной философии) весьма близки, отражая попытку зафиксировать особую форму деятельности, определяемую специфическим типом рациональности и специфическим типом знания. Речь идет о целенаправленном преобразовании окружающего мира, в данном случае социального, регулируемом нормами практической эффективности и полезности и опирающемся на практическое знание, которое имеет характер контекстуального и локального. Вместе с тем отсутствие должного различия «project» и «design», а также определение социального проектирования как социального конструирования без должной проработки вопроса различия этих понятий (см. [Луков, 2007]) затрудняет понимание феномена социального проектирования.

Определение «социальное» указывает, что речь идет о проектировании (сейчас мы говорим о «design») некоей социальной «вещи» или предприятия по созданию социальной новации. Определенной терминологической проблемой становится размытость термина «социальная новация». Таковой может выступать не только социологическая, психосоциальная, экономическая или политическая реалья, но и некий технический объект, продуцирующий последствия социального характера. Подобной социальной инновацией являются авиационная техника, доступная для массового использования, и портативный компьютер. Поэтому в широком смысле социальное проектирование можно определить как этап в конструировании определенного будущего (возможного) социального функционала. Носителем этого функционала могут быть социальные в собственном смысле объекты (общественные организации, услуги, социальные нормы, а также нормирующие социальные отношения программы и документы юридического характера и т. д.), объекты, принадлежащие миру «идеального» (этические нормы и принципы, ценности, идеалы и их отражения в форме идеологии, массовых настроений, общественных мнений), технические объекты, выполняющие некоторую социальную функцию (новые средства коммуникации, транспортные, новые материалы и т. д.), или природные, включенные в определенную систему хозяйственных или досуговых действий, а также общественные мероприятия. Из полученного определения следует, что социальное проектирование существует не только и не столько автономно, сколько будучи включенным в решение более широких проектных задач.

Одна из форм комплексной проектной деятельности, исходящая из единства социального и технического развития, – социотехническое проектирование. Если брать общемировую практику форсайтов, то они в значительной мере соответствуют определению социотехнического проектирования, данному В.Г. Гороховым, – «особое проектное движение, в котором проектирование тесно переплетается с планированием, управлением, программированием, прогнозированием и организационной деятельностью» [Горохов, 2012, с. 87]. Форсайт формировался как форма получения необходимой информации и обоснования управленческих решений в области технологического развития, и его социально-проектная составляющая была связана первоначально с параллельной организационной деятельностью, имеющей социальный характер и соответствующие результаты. Со временем стало очевидно, что технологическая инновация, фиксируемая и прорабатываемая в форсайтах, с одной стороны, имеет социальное измерение – продуцирует определенный социальный функционал, а с другой – сама возникает в ответ на определенный социальный запрос или, по крайней мере, в поле социальных факторов, определяющих многие ее характеристики. Таким образом, мы можем утверждать, что уже технологические форсайты обнаруживают функцию социального проектирования.

Определение форсайта как формы проектирования в смысле «design» отражает ту особенность этой практики, о которой писал Б. Мартин, – работать с будущим как продуктом сегодняшних решений, как с тем, что надо построить в голове, чтобы затем построить в реальности. О специфике форсайта как дизайнерской деятельности необходимо говорить отдельно (в данной статье сделать это не позволяет ограниченный объем), здесь же нужно обратить внимание, что форсайт является проектированием также и в смысле «project». Более того, именно «прожективность» выступает второй важнейшей характеристикой, выделяемой Б. Мартином наравне с работой с множественным будущим, зависящим от человеческих решений: «...форсайт является “процессом”, а не просто набором приемов» [Martin, 1995, p. 140].

В отличие от «social design» как этапа социального конструирования, «project» обладает эффектом непосредственного конструирования социального. По замечанию авторов обзора практики форсайтинга в разных странах, богатый опыт проведения технологических форсайтов в Японии обнаружил (в том числе и для самих японцев), что «главное достоинство форсайта зачастую заключается не столько в непосредственных продуктах (прогнозах и соответствующей основанной на них политике), сколько на той пользе, которую приносит сам процесс» [UNIDO, 2005, p. 11]. В качестве «процессуальных дивидендов» в обзоре указывается перечень из пяти характеристик, выделенных Мартином. Также разбирая японский опыт, Мартин отмечает, что «главное преимущество японских форсайтов заключается не в особых предсказаниях, а в процессе, при помощи которого разрабатываются прогнозы» [Martin, 1995, p. 144]. Этот процесс, по мнению Мартина, характеризуется: 1) взаимодействием очень разных социальных акторов, 2) координацией их планов, 3) консенсусом между ними, 4) принятием взаимных обязательств по реализации согласованных планов и, наконец, 5) концентрацией на долгосрочной перспективе (мы можем сегодня говорить о стратегическом характере форсайта).

Предпринятый Мартином анализ показывает, что форсайт как деятельность не только подчиняет прогнозную составляющую планово-проектной. Следующий шаг в логике осмысления процесса работы с будущим социальных объектов – осознание того, что поскольку планово-прогнозные работы имеют практическое значение только тогда, когда они получают реальную, а не номинальную реализацию, то цепочка прогноз – проект – план должна быть дополнена программным компонентом, где расписаны не только шаги, но и те, кто будет их предпринимать. Поэтому работа с будущим становится работой с текущей ситуацией в смысле организации пусть еще не материальных, но человеческих и социальных ресурсов. В рамках форсайта налаживается взаимодействие между участниками процессов социального проектирования, выстраиваются новые коммуникативные пространства и новые схемы совместной деятельности, формируются новые этические нормы и идеалы, массовые настроения, общественное мнение и идеология. Речь уже идет не о «design», а о социальной инженерии. Форсайт-проекты оказываются лабораториями социальных ноу-хау и коммуникативных инноваций, «выпускающими» конкретные опытные «образцы». Таким образом, форсайт выступает на практике и как социально-проективная деятельность (социальный дизайн), и как социальная инженерия, и как социально-коммуникативная технология.

Современное содержание проблемы демаркации

С точки зрения теории познания и философии науки, нуждается в прояснении эпистемическое содержание выделенных деятельностных ипостасей форсайта. Первый шаг на пути решения этой задачи – зафиксировать то, что практики такого рода не укладываются в классические дихотомии научное – ненаучное или научное – обыденное. Притом что современное знание вообще устроено значительно сложнее, чем это представлялось в концепциях классической эпистемологии, особая сложность присуща корпусу знаний, объектом которых выступают социальные объекты. В отношении таких знаний и форсайта справедлива теоретико-познавательная характеристика, которую Н.М. Смирнова дает социальным технологиям: модель их «когнитивной структуры... включает в себя целый кластер различных типов социально-гуманитарного знания и пластов социального опыта (научного и вненаучного, личностного и типизированного, социального, индивидуального и общечеловеческого), а также сложную констелляцию их взаимных влияний и обратных связей (эффектов кооперации и когеренции)» [Смирнова, 2011, с. 54].

И.Т. Касавин, разбирая вопрос о теоретической базе социальных технологий, различает «описательные» и «объяснительные теории» как прикладные и фундаментальные. К первым он относит, в частности, теории корпоративного управления, ко вторым – социологию и психологию управления [Касавин, 2012, с. 53]. Однако здесь же указывается на «недостаточную разработанность... теорий среднего уровня и собственно прикладных теорий (курсив И.Т. Касавина. – С. П.) <...> В качестве прикладных теорий в данной области

нередко фигурирует набор практических рецептов и констатаций, облаченных в невнятное концептуальное одеяние» [Касавин, 2012, с. 53]. К сожалению, это отчасти справедливо для ряда работ, авторы которых пытаются систематизировать и улучшить методологию форсайта или предложить его целостную концепцию. Теория форсайта по большей части идет по многочисленным «следам» форсайтинга, с одной стороны, занимаясь типологизацией методологии, с другой – эксплицируя те интуиции, которые и формируют форсайт как специфическую форму социального предвидения.

Возвращаясь к самой практике форсайта, можно обобщить ее в утверждении, что форсайт обладает относительной автономностью как особый деятельностный феномен, рациональность которого определяется, с одной стороны, соблюдением методологических норм, генетически связанных с идеалами научного познания (объективность как intersubjectивность, обоснованность и т. д.), с другой – практической рациональностью, которая, в частности, задает интерпретацию норм научной деятельности чуть ли не в противоположность первоначальному смыслу. Так, intersubjectивность это лишь отчасти попытка зафиксировать нечто общезначимое. В рамках Дельфи-экспертизы прогнозное значение действительно приобретают те предвосхищения, которые выдвигает большинство участников, или те девиантные предвосхищения, которые признаются большинством. Однако при использовании эвристических методик, типа морфологического анализа, наоборот, приветствуется уникальность, перспективность, субъективность предлагаемого видения. Примут ли это видение все или большинство участников, зачастую зависит от внешних по отношению к существу дела факторов – авторитетности того, кто представляет идею, его ораторского мастерства, харизмы, наличия сильных альтернатив тому, что он предлагает, в том числе альтернатив, отличающихся схожей оригинальностью, и т. д. Получается, intersubjectивность зачастую достигается способами, не укладывающимися в нормы научной рациональности. То же касается обоснованности и доказательности. При всем внимании к выявлению объективных условий того или иного варианта будущего, в отношении так называемых джокеров (маловероятных событий системного значения, способных фальсифицировать значительную часть имеющихся прогнозов) говорить об обоснованности или доказательности не приходится. Джокеры, как и еще один тип факторов – слабые сигналы, выявляются как предел представимого, как нечто почти фантастичное.

Такая специфика говорит о принадлежности форсайта к современным формам производства части социального знания, которые именуются трансдисциплинарными, то есть выходящими за рамки научного познания (подробнее о различных значениях трансдисциплинарности см. [Pirozhkova, 2018]). Этот выход не равнозначен ненаучности или тем более антинаучности трансдисциплинарной познавательной деятельности, но указывает на становление иной, не научно-центрической, формы рациональности. Пока мы можем говорить о таких ее отличительных чертах, как реализация «принципа участия» и установки на консолидацию как локальных знаний, так и локальных интересов, ориентация на решение конкретных социальных проблем, а не выработку наилучших объяснений социальных процессов.

Выводы и исследовательская перспектива

Сегодня форсайт – скорее предмет исследования социальной науки, чем ее продукт. Однако то, как будет развиваться этот феномен, – вопрос не только времени, но и продуктивности подобных исследований. Задача философа – прежде всего понятийный и концептуальный анализ и обеспечение той «глубины» отображения форсайта (а она требует и культурно-исторического подхода, и системного видения), о которой говорилось вначале и которая позволяет не включенному в эту практику участнику, а стороннему наблюдателю понимать, с чем он имеет дело, а также где и как это что-то может быть применимо. В настоящей статье были представлены результаты исследования, во-первых, отношения форсайта к таким видам деятельности, как прогнозирование и проектирование, во-вторых, возможности определять форсайт через понятие не социальной технологии, а социального проектирования. Одновременно было прояснено и последнее понятие. Неохваченным остался, тем не менее, ряд принципиальных вопросов. Прежде всего нуждается в более детальном прояснении определение форсайта как социальной технологии, поскольку далеко не все технологии – результаты научно фундированной инженерно-конструкторской деятельности. Далее систематизации требует специфика форсайта как формы социального дизайна. Наконец, раз уж речь идет о философском анализе, необходимо выявить связь и решить проблему преемственности форсайта с иными подходами к социальному проектированию и формами работы с будущим. Разработку этих проблем мы вынуждены отложить до следующих публикаций.

Список литературы

- Асеева, 2014 – *Асеева И.А.* Социокультурные практики и трансдисциплинарный подход в технологиях форсайта // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 18: Человек – NBIC машина (философско-антропологические и биоэтические исследования) / Сб. науч. ст. под ред. П.Д. Тищенко. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2014. С. 7–17.
- Горохов, 2012 – *Горохов В.Г.* Техника, технология, проектирование – социотехника, социально-гуманитарные технологии, социальное проектирование // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXI. № 1. С. 80–89.
- Касавин, 2012 – *Касавин И.Т.* Социальные технологии и социальные практики // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXI. № 1. С. 52–55.
- Луков, 2007 – *Луков В.А.* Социальное проектирование. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, Флинта, 2007. 240 с.
- Касавин (ред.), 2012 – Общество. Техника. Наука. На пути к теории социальных технологий / Отв. ред. И.Т. Касавин. М.: Альфа-М, 2012. 480 с.
- Розин, 1998 – *Розин В.М.* Некоторые особенности современного развития техники: от традиционного познания и социального действия к нетрадиционному // *Горохов В.Г., Розин В.М.* Введение в философию техники: Учеб. пособие / Науч. ред. Ц.Г. Арзаканян. М.: ИНФРА-М, 1998. С. 171–222.
- Розин, 2014 – *Розин В.М.* Социальная технология «форсайт» или политика и общество? // Политика и общество. 2014. № 11 (119). С. 1419–1441.
- Пирожкова, 2017 – *Пирожкова С.В.* Форсайт: актуальная практика и нормативно-методологическая перспектива // *Контур* будущего: технологии и инновации в культурном контексте. Коллективная монография. СПб.: Астерион, 2017. С. 93–96.

Пирожкова, 2018 – *Пирожкова С.В.* Прогнозирование и его место в системе научного знания // Вопросы философии. 2018. № 11. С. 99–110.

Смирнова, 2011 – *Смирнова Н.М.* Соотношение жестких и мягких паттернов социального управления: социально-эпистемологический анализ // Наука и социальные технологии / Отв. ред. И.Т. Касавин. М.: ИФРАН, 2011. С. 54–72.

Соломенцев, Шеменев, 1981 – *Соломенцев Ю.М., Шеменев Г.И.* Методологические проблемы исследования проектно-конструкторской деятельности в технических науках // Вопр. философии. 1981. № 11. С. 64–73.

A Guide to the Project Management, 2013 – A Guide to the Project Management Body of Knowledge (PMBOK® Guide). Fifth Edition. Pennsylvania: Project Management Institute, 2013. XXI+589 pp.

EFMN web – EFMN Foresight Brief No. 035. Japanese S+T Foresight 2035. URL: <http://www.foresight-platform.eu/wp-content/uploads/2011/04/EFMN-Brief-No.-35-Japanese-S+T-Foresight-2035.pdf> (дата обращения: 11.09.2018).

Martin, 1995 – *Martin B.* Foresight in Science and Technology // Technology & Strategic Management. 1995. Vol. 7. No. 2. P. 139–168.

Rapid Foresight, 2017 – Rapid Foresight. Методология 2017. Версия 0.4. https://research.nevafilm.ru/public/research/articles/foresight_manual.pdf (дата обращения: 15.09.2017).

Pirozhkova, 2018 – *Pirozhkova S.V.* Socio-Humanistic Support for Technological Development: What Should It Be Like? // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 88. No. 3. P. 210–219.

Simon, 1996 – *Simon H.A.* The Sciences of the Artificial. Third edition. Cambridge, London: MIT Press, 1996. 231 p.

Garcia-Diaz, Olaya (eds.), 2018 – Social systems engineering. The design of complexity / Ed. by C. Garcia-Diaz, C. Olaya. Oxford: John Wiley & Sons, 2018. 294 p.

UNIDO, 2005 – UNIDO Technology Foresight Manual. Vol. 1. Organization and Methods. Vienna: United Nations Industrial Development Organization, 2005. URL: http://www.research.ro/img/files_up/1226911327TechFor_1_unido.pdf (дата обращения: 15.09.2017).

Watts, 2017 – *Watts D.J.* Should social science be more solution-oriented? // Nature Human Behaviour. 2017. Vol. 1. Article number 0015. DOI: 10.1038/s41562-016-0015

Foresight as form of social design and social engineering

Sophia V. Pirozhkova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: pirozhkovasv@gmail.com

The article presents results of a study of the correlation between foresight – popular prognostic practice – and such traditional activities as forecasting and design. Furthermore author investigates the ability to define foresight as form of social design instead of the concept of social technology (as is often done in the Russian literature). The article represents the stage of a more detailed study of foresight, involving, firstly, the analysis of existing approaches to its conceptualization, secondly, the analysis of foresight practice in its development and, thirdly, the development of a three-dimensional representation of this phenomenon since the use of philosophical – epistemological, methodological, socio-philosophical, etc. – analysis makes possible producing such representation. The author points out the problem of the current relationships between fundamental social knowledge (social theory) and applied social knowledge and social practice and the importance of foresight as a special case of this situation. The concept of “social future-oriented activity” is established as

an operational definition of foresight, author traces the development of foresight practices from a predominantly predictive forms to the projective, the causes of such evolution and, in general, of shift from dominance of social forecasting to social engineering are identified. The analysis of the concept and practice, known as “social design”, explicated virtually absent in the domestic research literature distinction between social design as form of human activity and social and communication, organizational and managerial phenomenon well-known as “project”. This distinction enables to reveal the design and social engineering functions of foresight. The problem of the scientific status of foresight is briefly characterized, the heterogeneous epistemic content of foresight is pointed out, the main features of attempts to build the theory of foresight are marked. In conclusion, author outlines some directions for the future study of foresight in the framework of the epistemological analysis and the philosophy of science.

Keywords: Foresight, forecasting, social design, social engineering, social science, applied social research, social project, problem of demarcation

Acknowledgements: The research is funded by Russian Federation Presidential Council for grants for the young scientists (project No. MK-6317.2018.6).

References

A Guide to the Project Management Body of Knowledge (PMBOK® Guide). Fifth Edition. Pennsylvania: Project Management Institute, 2013. XXI+589 pp.

Aseeva, I.A. “Sociokul’turnye praktiki i transdisciplinarnyj podhod v tekhnologiyah forsajta” [Social and cultural practices and transdisciplinary approach in foresight technologies], in: *Rabochie tetradi po bioetike. Vypusk 18: Chelovek – NBIC mashina* (filosofsko-antropologicheskie i bioeticheskie issledovaniya) [Workbook on bioethics. Issue 18: Human – NBIC machine (philosophical, anthropological and bioethical researches)], ed. by P.D. Tishchenko. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta Publ., 2014, pp. 7–17. (In Russian)

EFMN Foresight Brief No. 035. Japanese S+T Foresight 2035. [http://www.foresight-platform.eu/wp-content/uploads/2011/04/EFMN-Brief-No.-35-Japanese-S+T-Foresight-2035.pdf, accessed on 11.09.2018].

Gorokhov, V.G. “Tekhnika, tekhnologiya, proektirovanie – sociotekhnika, social’no-gumanitarnye tekhnologii, social’noe proektirovanie” [Technics, technology, designing – social technics, socio-humanistic technologies, social design], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2012, vol. 31, no. 1, pp. 80–89. (In Russian)

Kasavin, I.T. “Social’nye tekhnologii i social’nye praktiki” [Social technologies and social practices], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2012, vol. 31, no. 1, pp. 52–55. (In Russian)

Lukov, V.A. *Social’noe proektirovanie* [Social design]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, Flinta Publ., 2007. 240 pp. (In Russian)

Martin, B. “Foresight in Science and Technology”, *Technology & Strategic Management*, 1995, vol. 7, no. 2, pp. 139–168.

Obshchestvo. Tekhnika. Nauka. Na puti k teorii social’nyh tekhnologij [Society. Technology. Science. Towards to theory of social technologies], ed. by I.T. Kasavin. Moscow: Al’fa-M, 2012. 480 pp. (in Russian)

Pirozhkova, S.V. “Forsajt: aktual’naya praktika i normativno-metodologicheskaya perspektiva” [Foresight: current practice and normative perspective], in: *Kontury budushchego: tekhnologii i innovacii v kul’urnom kontekste. Kollektivnaya monografiya* [Contours of the future: technology and innovation in a cultural context. Collective monograph], ed. by D.I. Kuznecova, V.V. Sergeeva, N.I. Almazova, N.V. Nikiforova. Saint Petersburg: Asterion Publ., 2017, pp. 93–96. (In Russian)

Pirozhkova, S.V. “Prognozirovanie i ego mesto v sisteme nauchnogo znaniya” [Forecasting and its place in the system of scientific knowledge], *Voprosy Filosofii*, 2018, no. 11, pp. 99–110. (In Russian)

Pirozhkova, S.V. “Socio-Humanistic Support for Technological Development: What Should It Be Like?”, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2018, vol. 88, no. 3, pp. 210–219.

Rapid Foresight. Metodologiya 2017. Versiya 0.4 [Rapid Foresight. Methodology 2017. Version 0,4] [https://research.nevafilm.ru/public/research/articles/foresight_manual.pdf, accessed on 15.09.2017]. (In Russian)

Rozin, V.M. “Nekotorye osobennosti sovremennoogo razvitiya tekhniki: ot tradicionnogo poznaniiya i social'nogo dejstviya k netradicionnomu” [Some features of modern technology development: from traditional knowledge and social action to non-traditional], in: Gorohov, V.G., Rozin, V.M. *Vvedenie v filosofiyu tekhniki: Ucheb. Posobie* [Introduction to the Philosophy of Technology], ed. by C.G. Arzakanyan. Moscow: INFRA Publ., 1998, pp. 171–222. (In Russian)

Rozin, V.M. “Social'naya tekhnologiya ‘forsajt’ ili politika i obshchestvo?” [Social technology “foresight” or politics and society?], *Politika i obshchestvo*, 2014, no. 11 (119), pp. 1419–1441. (In Russian)

Simon, H.A. *The Sciences of the Artificial*. Third edition. Cambridge, London: MIT Press, 1996. 231 pp.

Smirnova, N.M. “Sootnoshenie zhestkih i myagkih patternov social'nogo upravleniya: social'no-epistemologicheskij analiz” [Balance between tough and soft patterns of social control: socio-epistemological analysis], in: *Nauka i social'nye tekhnologii* [Science and social technologies], ed. by I.T. Kasavin. Moscow: IF RAN Publ., 2011, pp. 54–72. (In Russian)

Social systems engineering. The design of complexity, ed. by C. Garcia-Diaz, C. Olaya. Oxford: John Wiley & Sons, 2018. 294 pp.

Solomencev, Yu.M., Shemenev, G.I. “Metodologicheskie problemy issledovaniya proektno-konstruktorskoj deyatel'nosti v tekhnicheskikh naukah” [Methodological problems of investigation of RD activities in engineering sciences], *Voprosy Filosofii*, 1981, no. 11, pp. 64–73. (In Russian)

UNIDO Technology Foresight Manual. Vol. 1. Organization and Methods. Vienna: United Nations Industrial Development Organization, 2005 [http://www.research.ro/img/files_up/1226911327TechFor_1_unido.pdf, accessed on 21.07.2019].

Watts, D.J. “Should social science be more solution-oriented?”, *Nature Human Behaviour*, 2017, vol. 1, article number 0015. DOI: 10.1038/s41562-016-0015